

Вернувшись в школу, Кун Цин сразу направилась в кабинет учителя Чжао. Ван Синьтянь и Хэ Шияо увязались за ней, сказав, что будут свидетелями.

Все трое предстали перед учителем Чжао с таким видом, будто собрались полакомиться сплетнями.

— Что это у вас за выражения лиц?

— Жажда знаний.

Учитель Чжао сдался:

— Я посмотрел записи с камер. Штрафные баллы неизбежны, но дело в том, что свидетелей оказалось много, поэтому дежурный преподаватель решил отнестись к этому серьёзно. Ей нужно написать объяснительную и вывесить её на доске объявлений на неделю. Требуешь личных извинений?

Кун Цин задумалась. Всё-таки в столовой было полно народу, и её лицо — тоже лицо.

— Учитель Чжао, как вы думаете, не будет ли слишком, если заставить её в понедельник зачитать объяснительную с трибуны на линейке?

Ван Синьтянь подлила масла в огонь:

— Пусть вмешается учитель Фан. Я только что спросила у знакомых: она положила глаз на Се Юйму, прогуливает уроки и ещё обижает людей.

Учитель Чжао промолчал.

Кун Цин легонько кашлянула и начала представление:

— Я такая невинная, а меня ни с того ни с сего облили.

Учитель Чжао поспешно прервал её:

— Ладно-ладно, вон там две коробки. Поищите, нет ли среди них её.

Троица с большим энтузиазмом принялась за поиски. Перерыли с десятков минут, глядя только на обложки, и нашли больше сорока штук.

Учитель Чжао молчал — и это молчание было оглушительным.

— Возвращайтесь. А потом позовите сюда Се Юйму.

— Есть.

Кун Цин вернулась в класс. Когда она увидела Се Юйму, было заметно, что он встревожен — наверняка Чжоу Бинь приукрасил события.

— Ты как?

— Нормально. Помоюсь после уроков, и всё. А вот той девушке не поздоровится.

— Тебя зовёт учитель Чжао, — сказала Хэ Шияо.

— Угу.

— Се, теперь всё зависит от тебя, — вмешалась Ван Синьтянь.

Кун Цин подтолкнула Се Юйму к выходу из кабинета.

Увидев вошедшего, учитель Чжао сказал:

— Пришёл? Давай вскрывай письма, посмотрим, что эта девочка тебе написала.

Се Юйму взял конверты, половину протянул Кун Цин:

— Помоги.

— Без проблем. — Она принялась вскрывать и читать — сплошные признания в любви, почерк аккуратный. Кун Цин не хотела сравнивать, но это было правдой: почерк у неё гораздо лучше, чем у самой Кун Цин, и содержание куда более искреннее.

Кун Цин:

— Учитель Чжао, у неё с учёбой как?

— Так себе.

— Значит, есть куда расти. Может, не будем подключать учителя Фана? Пусть учитель Чжан её приструнит.

Учитель Чжао:

— Уже размякла?

— Тогда всё-таки зовите учителя Фана. Ранние романы мешают учёбе — это не дело. — Нет, вспомнив, что ей пришлось мыть голову полчаса и всё равно чуется запах подсолнечного масла, она снова разозлилась.

Се Юйму:

— Я всё прочитал. Учитель Чжао, поговорите с ней, позовите учителя Фана.

Учитель Чжао кивнул.

Через десять минут в кабинете завуча собрались: та самая девушка по имени Сун Юэнин, дежурный преподаватель, учитель Фан, учитель Чжао, классный руководитель девушки учитель Чжан, Кун Цин и Се Юйму.

Дежурный преподаватель начал:

— Мы всё проверили по камерам. Ученица Сун Юэнин облила ученицу Хэ Шици подносом с едой. Других физических столкновений не было. Всё ясно. Хэ Шици как потерпевшей нужны извинения от Сун Юэнин. Учитывая характер происшествия, мы по своему усмотрению снимаем баллы с восьмого класса, и Сун Юэнин должна написать объяснительную на тысячу иероглифов.

Сун Юэнин отказывалась извиняться.

Кун Цин развела руками и начала капризничать:

— Тогда у меня нет других требований. Либо она извиняется, либо завтра в обед в столовой я оболую её в ответ.

Учитель Фан попытался уладить дело:

— В таком возрасте не надо быть такой вспыльчивой!

Учитель Чжан поддакнул:

— Да-да, Сун Юэнин, ты первой была неправа, почему не извиняешься?

Сун Юэнин отвернула голову в сторону и молчала. Упрямая до упрямства.

Учитель Чжао сказал:

— Тогда я скажу кое-что. У меня есть письма, которые ученица Сун Юэнин писала ученику Се Юйму — всего сорок три штуки. Это личное, я их не читал.

— Но Се Юйму их прочитал, и раньше он ясно дал понять ученице Сун, что не принимает её чувств, и советовал ей больше времени уделять учёбе. Мне это известно.

— Я понимаю, что в вашем возрасте бывают симпатии. Но если это действительно начинает мешать жизни других учеников, то, по-моему, нужно что-то менять.

— Пересадка тоже была моим решением: у Хэ Шици и Се Юйму обоих были травмы ног, они больше понимают друг друга, могут помогать друг другу в учёбе. Кое-кто, видимо, неправильно это истолковал. Учитель Фан, как вы считаете, что с этим делать?

Сун Юэнин, со слезами на глазах, уставилась на Се Юйму:

— А ты что скажешь? Ты тоже считаешь, что я должна извиниться?

Но учитель Фан ещё не успел ответить.

Се Юйму почувствовал раздражение — опять нелогичная.

— Твои поступки действительно причинили вред другим ученикам.

— Почему ты не видишь меня? — Сун Юэнин залилась слезами.

— Что я должен в тебе видеть? То, как ты обижаешь одноклассников? То, что ты не ценишь возможность учиться? — парировал Се Юйму.

— Почему она так к тебе липнет, а ты её защищаешь?

— Сначала разберись со своими собственными проблемами, — вздохнул Се Юйму.

— Почему я не могу?

— Учись хорошо, не оставляй сожалений в старшей школе. Я не люблю тебя не потому, что ты плохая. Любовь — вещь субъективная, она не определяется внешностью или успехами. У меня есть человек, который мне нравится, но я не собираюсь нарушать её покой в старшей школе.

Кун Цин переводила взгляд с Се Юйму на Сун Юэнин. Этот стиль разговора был до боли знаком. Где-то я это уже видела.

[Кун Цин: Кто бы понял? Сплетни прямо перед носом, а записать нельзя — вот мука.]

[5211: Тогда старайся, заработай побольше очков, в следующий раз сменишь экипировку.]

[Кун Цин: Знаю-знаю~] — отмахнулась.

Сун Юэнин прикусила нижнюю губу и торжественно спросила:

— Се Юйму, ты любишь Хэ Шици?

Кун Цин опешила: прямо в лицо бросила вызов — она смелее, чем я.

Се Юйму взял конверты и положил их перед Сун Юэнин:

— К ней это не имеет отношения.

Кун Цин про себя: Ну ни фига себе, почему он не отрицает? Это же вводит в заблуждение! Вон даже учитель Фан уставился.

Сун Юэнин взяла стопку писем:

— Я поняла. Я больше не буду тебя беспокоить.

Кун Цин: Ты поняла? А можешь и мне рассказать?

Сун Юэнин повернулась к Кун Цин:

— Хэ Шици, тебе повезло. Все на твоей стороне.

Кун Цин не понимала:

— А? При чём тут это?

Сун Юэнин вытерла слёзы, поклонилась Кун Цин:

— Извини, я не должна была так с тобой поступать. Я была права. — Сказав это, она напоследок глубоко посмотрела на Се Юйму и выбежала из кабинета.

Кун Цин наклонилась к уху Се Юйму и прошептала:

— Старый Се, мне кажется, она разыгрывает сцену из молодёжной драмы.

Се Юйму чуть слышно вздохнул — наконец-то всё кончилось.

— Учителя, мы пойдём.

Учитель Фан кашлянул:

— Ранние романы мешают учёбе. Вы двое поаккуратнее.

— А? Мы не... — Кун Цин не понимала, почему говорят именно о них. Они-то знали, что Се Юйму частенько скрежетал на неё зубами и мечтал прибить. Вспомнить хотя бы моменты, когда он объяснял ей задачи.

Се Юйму взял её за руку:

— Пошли, вернёмся в класс. Скоро урок.

— А, да, хорошо. Учителя, мы пошли.

Учитель Чжао:

— Ну вот, я же говорил — у них ничего нет.

Учитель Чжан:

— Не факт.

Учитель Фан:

— Сяо Чжао, ты, я смотрю, совсем не переживаешь!

Учитель Чжао:

— А чего мне переживать? Се Юйму всегда первый в параллели, Хэ Шици подтягивает успеваемость, а остальные наши двоечники теперь тоже не расслабляются, боятся отстать. Такое выгодное дело — чего мне волноваться?

Учитель Чжан:

— И правда, надо у тебя пару приёмов перенять.

Дежурный преподаватель:

— Ну и дела, нынешние девчонки — прямо злющие какие-то.

Учитель Фан:

— С ранними романами надо бороться строго. В соседней школе уже до крупных проблем дошло.

— Что? Давайте рассказывайте!

Хэ Шияо смотрела, как Кун Цин выталкивает Се Юйму, и с беспокойством спросила у Ван Синьтянь:

— Се Юйму поможет сестре?

Ван Синьтянь успокаивающе похлопала её:

— Не волнуйся, твой будущий зять знает, что делает.

Хэ Шияо:

— Будущий зять?

Ван Синьтянь:

— Давай, пока есть время, расскажу тебе про них.

Ван Синьтянь приступила к вербовке новых шипперов.

Кун Цин толкала Се Юйму обратно в класс. По дороге она не выдержала:

— Се, ну расскажи! Кто та, кто тебе нравится?

Се Юйму:

— После вступительных экзаменов скажу.

— Ну расскажи, я же никому не скажу, у меня язык хорошо подвешен.

— Скажу — не поверишь.

— С чего бы мне не поверить?

— Ты мне нравишься.

— Ну вот, я серьёзно спрашиваю, а ты шутишь.

— У тебя мозги устроены не так, как у обычных людей.

— Это у тебя не как у обычных — ты же бог учёбы.

— А какой типаж тебе нравится?

— Такой, как ты! Чего тут спрашивать.

Се Юйму закашлялся, чувствуя, как сердце ёкнуло. Кун Цин с её места не видела его беспомощного выражения.

Вернувшись в класс, Кун Цин вкратце рассказала остальным, что произошло, и начался урок.

Вскоре начались первые в семестре месячные экзамены. Кун Цин предполагала, что у Хэ Шияо неплохие результаты, но думала, что из-за смены школы та будет не в своей тарелке. Кто же мог знать, что эта девчонка окажется такой гением?

В общем, Кун Цин куда — она туда же. Кун Цин разбирает задачи — она рядом слушает. И когда вышли результаты, Хэ Шияо оказалась сразу за Ван Синьтянь в общем рейтинге, а по отдельным предметам — математике, физике, химии, биологии — даже обогнала её. Хромала только английский.

Ван Синьтянь впервые почувствовала такое давление — очень сильное.

Кун Цин впервые осознала, что даже между близнецами бывает разница. Она тут же позвонила родителям — дома растёт гений, надо срочно нанимать репетитора по английскому для Яо.

Хэ Шияо спросила, будет ли сестра подтягивать английский. Кун Цин покачала головой:

— Не люблю. Да и не только в английском у меня пробелы.

Хэ Шияо тоже покачала головой:

— Я тоже не люблю.

Тут родители оказались в затруднительном положении:

— Ну так нанимать репетитора или нет?

Хэ Шияо отказалась, и родители настаивать не стали.

Учитель Чжао, глядя на результаты, с сожалением заметил:

— У Хэ Шияо такой уровень — если бы она пришла в старшую школу, могла бы участвовать в олимпиадах и, возможно, поступить в Цзинбэй без экзаменов.

Хэ Шияо отнеслась к этому равнодушно:

— Я и с сестрой вместе сдать экзамены могу.

Время подготовки к промежуточным экзаменам весь класс словно озверел. Всё потому, что учитель Чжао пообещал: если сдадут хорошо, организует весеннюю поездку — три дня за город, две ночёвки, с купанием в горячих источниках, походами в горы, пикниками.

Соблазн оказался очень действенным: Кун Цин даже перестала читать свою новеллу.

Хэ Шияо тоже — правильность её домашних заданий превысила показатели Ван Синьтянь, она вплотную преследовала Се Юйму.

Ван Синьтянь была на грани депрессии:

— Я уже думаю бросить олимпиады. Почему Яо выглядит такой паинькой, а учится просто зверски?

Хэ Шияо:

— Я просто занимаюсь вместе с сестрой, не прикладываю особых усилий. У нас в школе учителя хорошо объясняют — я с первого раза всё понимаю.

Услышав это, Кун Цин опустила голову: меня нет, не обращайтесь внимания.

Нога Се Юйму восстанавливалась быстро. Он отказался от инвалидного кресла и начал ходить в школу с костылями.

Кун Цин чуть не захотела вручить ему грамоту «Стойкость духа, несмотря на телесные недостатки».

Теперь её соседом по парте был Се Юйму — никаких сплетен. Ван Синьтянь, подстёгнутая Хэ Шияо, тоже редко выходила на охоту за слухами. Вэньвэнь сидела далеко. Кун Цин было ужасно скучно, и в конце концов она решила действовать в лоб.

— Се, а почему сейчас тебе никто не носит угощения? — пошарила у себя в ящике. — С тех пор как я стала твоей соседкой, я ни разу не получила ни одной вкусняшки.

Се Юйму даже не шелохнулся, а спокойно сказал:

— У меня в ящике есть, бери сама.

Кун Цин обрадовалась, запустила руку в его ящик и вытащила несколько шоколадок в розовой обёртке.

— Ого, это та девушка в прошлый раз подарила?

Се Юйму вздохнул:

— Я сам купил.

— А, понятно. Ты тоже любишь эту марку?

— Угу.

Чжоу Бинь и Ван Синьтянь видели и слышали это. Боже, любовь ослепляет: человек, не любящий сладкое, начинает врать.

Кун Цин с удовольствием жевала шоколад, как вдруг:

— Захотелось молочного чая.

Чжоу Бинь поднял руку:

— Я сбегаяю.

Кун Цин достала кошелек и шлёпнула его на руку Чжоу Биню:

— Я угощаю. Купи восемь стаканов.

Хэ Шияо ткнула сестру:

— Сестра, а он донесёт восемь? Я, вообще-то, могу не пить, слишком сладко.

— Донесёт.

— Ладно. — Раз сестра купила, придётся пить.

Начались промежуточные экзамены. После математики Кун Цин спустилась пообедать и по дороге столкнулась с Се Юйму. Обычно она не обсуждала ответы, но сейчас не выдержала:

— Се, какой ответ на последний вопрос в тесте?

— D.

Вокруг зашушукались.

— А на предпоследний?

— C.

— А два последних в заданиях на заполнение?

— Корень из трёх, два.

...

— Ух, у меня всё правильно.

— Всё, можно расслабиться.

— А я выбрал А.

Кун Цин шла за Се Юйму по пятам:

— Се, наша весенняя поездка точно состоится?

— Думаю, да, проблем быть не должно.

— А ты любишь весенние поездки?

Се Юйму посмотрел на свои костыли, потом на неё. Как у неё язык поворачивается такое спрашивать?

— Ну, нормально.

— Прости, забыла про твою ногу. Если поедешь, лучше всё-таки возьми коляску.

— Я возьму.

Три дня экзаменов пролетели. Кун Цин чувствовала, что в этот раз выступила неплохо, и с нетерпением ждала результатов.

Снова вывесили рейтинг. На этот раз у Кун Цин были охранники слева и справа, так что толкаться не боялась.

Первое место без вариантов занял Се Юйму, со второго по пятое — ученики из других классов, шестое — староста Шао Чэнь, седьмое — Хэ Шияо, десятое — Ван Синьтянь... Кун Цин медленно просматривала дальше и нашла себя на 325-м месте. Она пришла в восторг — будто уже видела начисляемые очки, будто камера из корзины покупок махала ей рукой.

Самое ужасное было то, что в этот раз незадолго до её имени она увидела Ду Цяоци. Как же так, у этой девочки результаты всё ещё не поднялись?

Когда вышли общие результаты класса по промежуточным, учитель Чжао подал заявку на

весеннюю поездку.

Весь класс был на седьмом небе от счастья.

Один автобус на 57 мест — как раз.

Выезд в пятницу после обеда, возвращение в школу в воскресенье после обеда.

Соседние третий и первый классы частично позаимствовали план учителя Чжао, и в итоге все три класса оказались на одном склоне — народу было тьма.

Кун Цин специально сходила домой в обед и привезла палатку, раскладной столик, стулья и прочее снаряжение для пикника. Вот тут-то она и покрасовалась. Звёздный час.

Учитель Чжао сразу уселся к ним. Се Юйму тоже сел и не двигался.

Кун Цин суежилась вокруг, расставляя на столе фрукты, снеки, напитки.

Довольная, она достала фотоаппарат и сделала снимок.

Учитель Чжао поправил солнечные очки:

— Хэ Шици, потом выбери несколько фотографий и сбрось мне!

Кун Цин подняла руку и крикнула:

— Есть!

Хэ Шияо заметила, что кто-то с другой стороны пытается разжечь костёр, но делал это настолько неумело, что она не выдержала. Она подошла, быстро выкопала ямку, сложила ветки, положила сверху сосновые иголки и подожгла.

Она распорядилась, чтобы ей принесли сухие дрова, разожгла огонь и тут же обзавелась толпой поклонников.

Ван Синьтянь тоже принесла плед для пикника, расстелила его и достала две колоды карт. Увидев это, даже учитель Чжао изменился в лице.

Их маленькая компания сияла во всей красе.

Учителя из соседних классов подошли поглазеть, сказали, что хотят поиграть в карты, и вскоре вокруг них собралась толпа в несколько кругов.

<http://bllate.org/book/19938/1962551>